

ДОСТОЕВСКИЙ, ЛЕСКОВ И Ю. Д. ЗАСЕЦКАЯ :
СПОР О РЕДСТОКИЗМЕ

(Письма Ю. Д. Засецкой к Достоевскому)

Так вышло, что достаточно мимолетная проповедническая деятельность в России в середине 1870-х годов английского пастора Гренвиля Редстока (1833—1913) в большой степени получила широкую известность благодаря публикациям противников этого новоявленного апостола и завезенного им религиозного инакомыслия, нежели выступлениям его русских друзей и последователей, которые, как заметил Н. С. Лесков, «восхищались им втихомолку».¹

В число ближайших и непосредственных последователей учения Редстока входили титулованные особы, приближенные царского двора, что придало этому сектантскому движению характер отнюдь не безобидного уклонения от православия, напомнившего многим эпоху Александровского масонства. Некоторые имена были особенно на слуху: барон М. М. Корф (гофмейстер), граф А. П. Бобринский (министр путей сообщения в 1871—1874 годах), графиня Е. И. Шувалова (жена графа П. А. Шувалова, посла в Англии в 1874—1879 годах), княжна М. М. Дондукова-Корсакова, княгиня Н. Ливен, Е. И. Черткова (урожд. графиня Чернышева-Кругликова, мать секретаря Л. Толстого), княгини К. Голицына и В. Ф. Гагарина, дипломат и государственный деятель Ф. Г. Тернер, полковник в отставке В. А. Пашков, один из богатейших людей России, в дальнейшем глава так называемых пашковцев (русских редстокистов), общественная деятельница М. Г. Пейкер, а также дочь поэта-партизана наполеоновских войн Дениса Васильевича Давыдова, учредительница первого в России Ночлежного приюта, известная филантропка и менее известная писательница и переводчица Юлия Денисовна Засецкая (?—1883), друг, собеседница и корреспондентка Достоевского и Лескова. В письмах к каждому из них как своему confidentу она не раз излагала суть своего вероисповедания и причины, побудившие ее выйти из православия и обратиться в редстокизм, вероучение, имеющее сходство с евангелическим христианством англиканского типа. Тщетно и каждый по-своему пытались они убедить Засецкую, фигуру не случайную в жизненном мире как Лескова, так и Достоевского, в ошибочности ее прозелитизма.

«Семидесятые годы, — пишет Г. В. Флоровский, — были временем острого религиозно-моралистического возбуждения, на верхах и в низах сразу», а проповедь Редстока «была типичная про-

¹ Лесков Н. С. Великосветский раскол: Лорд Редсток и его последователи: Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. 2-е изд. СПб., 1877. С. 2; 1-е изд.: М., 1877 (впервые: Православное обозрение. 1876. Сентябрь—октябрь; 1877. Февраль).

поведь „обращения” или „возрождения” («revival»), „пробуждение” сердца, „оправдание верою”, возбуждение добрых христианских чувств. Сам Редсток всего больше сочувствовал, кажется, Plymouth-Brothers. Очень ценит Гион (Эжен Гюйон. — *С. И.*) и Ю. Штилинга, имел апокалиптические предчувствия». ² В 1876 году были основаны «Общество друзей лорда Редстока», организованное, вероятно, самой Засецкой, и «Общество поощрения духовно-нравственного чтения» (председатель — М. М. Корф), через которое, вплоть до его запрещения в 1884 году, осуществлялась издательская и филантропическая деятельность приверженцев нового учения. «Это было в стиле прежних „библейских обществ”, — продолжает Флоровский, — но кое-что привзошло сюда и от „хождения в народ”, и очень ярко был выражен филантропический мотив (напр., посещение тюрем и чтение Св. Писания заключенным). Не случайно были теперь переизданы для распространения разные брошюры, русские и переводные, изданные в Александровское время». ³

Несмотря на то что основная аудитория проповедей Редстока, настойчиво и аккуратно проходивших в великопостные дни в течение четырех зим в Петербурге (1874—1877), ограничилась столичным великосветским обществом (его визит в Москву в 1876 году не вызвал такого резонанса, как в Петербурге и успеха лорду не принес), слух о каком-то новом христианском вероучении, имеюмом в обиходе «великосветский раскол», получил повсеместную огласку. Особую роль в этом, по мнению Лескова, сыграл один «гражданский журнал» («Гражданин». — *С. И.*), который «посвятил Редстоку так много внимания, что значение этого человека сразу возвысилось»; это издание «в течение трех зим ретиво выслеживало, где обращался Редсток, и всюду слало ему резкие укоризны за совращение наших великосветских людей из православия в свой особенный, редстоковский раскол или ересь; но о самой этой ереси, о ее существе и задачах это наблюдательное издание ничего не открыло». ⁴ Действительно, «Гражданин» одним из первых ввел эту тему в журналистский обиход. Однако Редсток и его успех в обществе активно обсуждались и другими периодическими изданиями, поделившимися в основном на два лагеря: сочувствующих и гонителей («Православное обозрение», «Церковно-общественный вестник», «Новое время»). ⁵

О редстокизме писали многие: князь В. П. Мещерский, калязинский священник И. С. Беллюстин, Лесков, Достоевский, Л. Н. Толстой, Ф. Г. Тернер, А. А. Половцов, А. С. Пругавин, Г. В. Флоров-

² Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Paris, 1988. С. 401.

³ Там же. С. 402. См. также: Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. Т. 1: 1883—1886 гг. М., 1966. С. 500, 510.

⁴ Лесков Н. С. Великосветский раскол. С. 3—4.

⁵ См. об этом: Майорова О. Е. Лесков о суворинском «Новом времени» (1876—1880) // Неизданный Лесков (Лит. наследство). М., 2000. Т. 101. Кн. 2. С. 172—173.

ский и др.; степень его осмысления, характер и направление вдохновленных им выступлений неоднороден, но в основном преобладала критическая оценка и поверхностного, неумного содержания редстоковских проповедей, и нелепых форм поклонения апостолу этого нововерия, и сектантского характера движения, и тех российских социальных условий, при которых стало возможно его распространение исключительно в великосветских кругах, а также равнодушия и слабости православного духовенства в предписанных ему пастырских обязанностях. Однако у каждого был свой поворот темы. Для Мещерского редстокизм — это еретическое уклонение от православия. Для Беллюстина — это следствие ненормального положения в русской церкви. В такой трактовке редстокизма к нему примыкает Лесков. Но для него это еще и разобщение знати с народом, в этом пункте Лесков совпадает с Достоевским, который переносит центр тяжести вины лишь на само образованное общество, потерявшее связь с «почвой», т. е. с народом и его религиозной верой; это «обособление», по Достоевскому, является следствием «неверия в духовные силы народа» (25, 10).

Что касается восхищения Редстоком его прозелитствующих последователей и друзей из титулованной знати, то, действительно, оно осталось втуне и за пределы частной переписки и мемуаров не вышло, если бы не книга Лескова «Великосветский раскол», в которой были обильно использованы сведения о лорде из обширного конфиденциального письма Засецкой к Лескову, не предполагавшей их обнародования. Публикуемые ниже письма к Достоевскому «старостиhi редстоковской церкви в России» (как уважительно прозвал ее Лесков), безусловно, были для него, помимо личных впечатлений, источником сведений и о самом учении, и о его главе, изложенных в трех статьях писателя по этому поводу.⁶ Эти письма проясняют не только позицию самой Засецкой по части предпочтенного ею вероисповедания, но и в какой-то мере помогают реконструировать содержание их постоянных религиозных споров, а также аргументы Достоевского, увидевшего в частном случае своей корреспондентки проблему русского общества в целом.

Близкое знакомство Засецкой с лордом Редстоком состоялось в Англии, по-видимому, в начале 1870-х годов и произвело на нее неизгладимое впечатление. Она вернулась в Россию и пожертвовала значительную сумму денег, чтобы обустроить Ночлежный приют, ставший вскоре известным прибежищем для петербургских бездомных. Доход от литературных занятий, главным образом переводов протестантских авторов, Засецкая тратила на поддержание своего Ночлежного приюта. Ее перу принадлежат религиозно-назидатель-

⁶ См.: «Лорд Редсток» (мартовский выпуск «Дневника писателя» за 1876 год — 22, 98—99), «Миражи. Штунда и редстокисты» («Дневник писателя», январь 1877 года — 25, 9—12), «Ответ анониму» (Dubia; Гражданин. 1874. 4 марта. № 9 — 30, 22—24).

ная книга «Часы досуга», вероятно, переложение молитв протестантского пастора Эжена Берсье («Дамские молитвы»), однако большую литературную известность Засецкая снискала как переводчица сочинений английского протестантского религиозного писателя и проповедника-нонконформиста XVIIв. Джона Беньяна, весьма популярного автора среди редстокистов.⁷ «Благодарю вас от души, — писала она Лескову, скорее всего, в начале 1878 года, — за ваши хлопоты о моей книге. Вы спасаете мой Приют и способствуете спасти много людей от холода и голода, и, быть может, от самоубийства».⁸

Согласно воспоминаниям Анны Григорьевны, знакомство Достоевского с Засецкой относится к 1873 году: «Она только что основала тогда первый в Петербурге ночлежный дом (по 2-й роте Измайловского полка) и чрез секретаря редакции „Гражданина“ пригласила Федора Михайловича в назначенный час осмотреть устроенное ею убежище для бездомных. Ю. Д. Засецкая была редстокистка, и Федор Михайлович, по ее приглашению, несколько раз присутствовал при духовных беседах лорда Редстока и других выдающихся проповедников этого учения. Федор Михайлович очень ценил ум и необычайную доброту Ю. Д. Засецкой, часто ее навещал и с нею переписывался. Она тоже бывала у нас, и я с нею сошлась, как с очень доброю и милою женщиной, выразившею ко мне при кончине моего мужа много участия в моем горе». И далее: «Любил Федор Михайлович бывать у Юлии Денисовны Засецкой <...> и постоянно вел с нею горячие, хотя и дружеские, споры по поводу ее религиозных убеждений».⁹

⁷ Беньян Дж. Путь пилигрима. Духовная война. СПб., 1878. Экземпляр книги с дарственной надписью Засецкой имелся в библиотеке Достоевского (см.: Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому: Материалы, библиография и комментарий. М.: Пг., 1922. С. 22); первый русский перевод этой любимой русскими масонами книги был издан в типографской компании Н. И. Новикова (1782), над переводом третьего издания трудился, вероятно, сам А. Ф. Лабзин, возобновивший в начале века издательские традиции московских масонов (1819). Скорее всего, ей же («даме из петербургского high-life'a», указывает Лесков) принадлежит перевод протестантского молитвенника французского проповедника Эжена Берсье, опубликованный в приложении к книге Лескова «Великосветский раскол» (С. 1—26 2-й паг.). Вполне вероятно, что два издания проповедей Берсье, не уступавшего Редстоку в популярности у петербургских дам, оказались в библиотеке Достоевского не без участия Засецкой (см.: 27, 49, 331). Кроме того, Засецкая подарила писателю «Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет» (Лондон, 1869), снабдив книгу дарственной надписью: «Федору Михайловичу Достоевскому от Засецкой 14-го октября 1878» (хранится в библиотеке Пушкинского Дома. Шифр: 31 2/35).

⁸ РО ИРЛИ, ф. 612, № 252, л. 7 (письмо не датировано).

⁹ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 255, 357; см. также: С. 389. В. А. Викторovich на основании даты официального открытия Ночлежного дома 25 марта 1873 года уточняет датировку Анны Григорьевны: «Марта незадолго до или сразу после 25» (см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. Т. 2: 1865—1874. СПб., 1994. С. 363). К этому же времени Викторovich относит и получение писателем ее визитной карточки, что, учитывая надпись о свободном

Именно Засецкая, по сообщению Лескова, полученному от нее самой, как и все сведения о пасторе, использованные им в книге «Великосветский раскол», зимой 1873/74 года пригласила Редстока, давнего своего знакомого по Лондону, в Петербург.¹⁰

Суть его вероучения проста и имеет много сходного с протестантством облегченного типа. Главным пунктом редстокизма является оправдание человека верой в искупительную смерть Иисуса Христа. Согласно Редстоку, «кого вера во Христа перерождает в нового человека, тот может быть уверенным, что его добрые дела угодны Богу»; добрые дела не могут искупить грехи человека и являются лишь выражением его «глубокой любви за полученное спасение Его кровию».¹¹ Редстокист Ф. Г. Тернер, порвавший впоследствии с редсток-пашковским движением, сошедшим, по его мнению, с общехристианской почвы, писал, что Редсток «считал своей задачей возбуждение христианского чувства вообще», он полагал «необходимым прежде всего, чтобы каждый христианин сознательно предал себя Христу» и испытал душевный перелом, именно это Редсток «считал необходимым освежить в современных христианах, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали».¹²

Проповедь нового вероучителя, по мнению Лескова, была помесью нескольких протестантских положений с доморощенными сумбурными мнениями об оправдании и исподволь наводила на мысль, что «восточная церковь держится кое-чего противного будто бы духу истинного христианства». Редсток научал своих слушательниц «не призывать в молитве Деву Марию и святых», не страшал муками ада, коль скоро они уже спаслись, а также быть добрыми и «служить меньшим братьям».¹³

И хотя учение нового и достаточно случайного харизматика, по отзывам даже самих учеников и приверженцев не слишком умного и не язычного, не отличалось ни новизной, ни глубиной мысли, тем

посещении Приюта, звучит вполне убедительно, однако приведенный здесь адрес Засецкой и архивное нахождение карточки вместе с другим письмом корреспондентки, по содержанию явно не марта 1873 года, в отдельной папке, написанной рукой Анны Григорьевны (публикуется в конце подборки), расширяют границы датировки до осени 1877 года, когда Засецкая еще жила по адресу, указанному в визитке: Невский пр., д. 88, кв. 101 (свидетельство о ее местожительстве имеется в кн.: Лесков А. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 88).

¹⁰ М. Джоунс полагает, что Редсток «был приглашен в Россию русской знатной дамой (вероятно, княгиней Ливен), которая повстречалась с ним на его проповеди во Франции» (*Jones M. Dostoevsky, Zasetzkaya, and Radstokizm // Oxford Slavonic Papers. New series. Oxford, 1994. Vol. 27. P. 109*). Помимо очевидных достоинств этой превосходной статьи отмечу ее оснащенность обширной библиографией, включая зарубежную, посвященную теме религиозных уклонений у русской аристократии, в частности редстокизму и пашковскому движению, а также интересу русских писателей к этой теме.

¹¹ Лесков Н. С. Великосветский раскол. С. 144—145.

¹² Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни. СПб., 1910. С. 341.

¹³ Лесков Н. С. Великосветский раскол. С. 165—166, 114—115.

не менее в петербургских салонах и гостиных возникла своего рода мода на Редстока, что многим, учитывая «изумительную скудость» его средств (Лесков), казалось необъяснимым. 28 марта 1876 года графиня А. А. Толстая на вопрос Л. Н. Толстого о впечатлении, произведенном на нее Редстоком, писала: «...очень люблю его за необыкновенную его цельность и любовь. Он совершенно предан одному делу и идет своей дорогой (...). Он милый, добрейший сектант, сам не понимающий многого и наивно не подозревающий, как во многом он удаляется даже от евангельской истины. Природу человеческую он вовсе не знает и даже не обращает на нее внимания, потому что по его системе каждый человек может в одну секунду развязаться со своими страстями и дурными наклонностями только по одному желанию идти за Спасителем (...). Вот его слабая сторона. Затем преданность его Христу — теплота и искренность неизмеримая. Он здесь прозвучал, как колокол, и разбудил многих, никогда не помышлявших прежде о Христе и спасении, но из других сделал совершенных карикатур духовных, что, впрочем, не его вина. Его здесь и слишком возвышали, и слишком бранили. Я почти никогда не ездила слушать его публичных проповедей, но любила с ним разговаривать наедине или с немногими близкими, греясь его теплотой и избегая всяких догматических вопросов. Думаю, что я из немногих, судивших его беспристрастно».¹⁴ Толстой, возможно, использует эти сведения в романе «Анна Каренина» и делает Алексея Александровича Каренина и графиню Лидию Ивановну редстокистами (часть 7, гл. 21—22). «Все любовались и удивлялись, — пишет А. А. Толстая по выходе этих глав романа, — как вы отлично и верно схватили тип тех последователей и обожательниц Радстока, которые, не поняв сущности его (и без того неполного) учения, исковеркали и себя, и религию до невозможности».¹⁵

Репутация новоявленного апостола «могла бы очень скоро пасть, — пишет Лесков, если бы не было при нем горячей, пламенной и фанатически ему преданной женщины (Засецкой. — С. И.) (...). Его успех должен быть приписан не столько ему, как этой энергичной женщине. Она не только собирала ему аудиторию, но она маскировала скуку его бесед своим кипучим оживлением; она страдала за него, видя как из него не летит выспрь крылатое слово; страдала за слушателей, наконец, за саму себя и на другой день опять верстала людей в слушатели, уверяла всех и себя саму, что это было хорошо, и такими неутомимыми усилиями *ввела в моду Редстока*, которому без нее здесь не было бы никакого хода и значения».¹⁶ Лесков, коварно упоминая о Засецкой, как о «главнейшей из редстокисток», чьими стараниями этот «великосветский

¹⁴ Толстовский музей. Т. 1: Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857—1903. СПб., 1911. С. 267—268.

¹⁵ Там же. С. 284 (письмо от 22 мая 1877 года).

¹⁶ Лесков Н. С. Великосветский раскол. С. 164.

раскол» укоренился в России, истинную причину возникшего новоятия видит в другом: ее «некоторые считают главною виновницею всего нынешнего религиозного движения в большом свете. Это напрасно (...). Добрые и несомненно благонамеренные русские люди, разочарованные в участливости своего духовенства, искали в протестантской приходской жизни примера (...). В числе великосветских женщин, узвзленных жаждою христианской жизнедеятельности и получивших самое превратное понятие о православии, появилась и та энергическая женщина».¹⁷ И далее: «Женщине этой все обрядовое и внешнее представлялось *совершенно излишним*: ей хотелось прямо попасть в самую сущность христианства, о котором она, по собственным ее словам, размышляла еще в детстве, но которого совсем не находила в России», где, как ей казалось, «ни Бога, ни христианства не понимают». Лесков задается вопросом, «чем успокоил ее этот немудрый человек?», почему «русская по природе и даже против воли своей, совершенно русская по складу ума и по характеру, она не сумела почувствовать русским сердцем всей теплоты и простоты русской веры», и здесь же дает ответ: «Он действовал на нее не своими талантами, и даже не особенностями учения, а *чувством* своей религиозной задушевности»; в ней «мучительная неудовлетворенность и поиски живой веры продолжались до тех пор, пока она не встретилась с Редстоком, в учении которого нашла искомое ею христианство».¹⁸ Из письма Засецкой Лескову от 14 июня 1876 года: «Нет, Николай Семенович, я ему только отдаю должное. В нем дышит Дух Святой, дух истины, чистоты — чувствуется что-то неземное, когда близко его знаешь. Если я его не называю своим идеалом, то это потому, что, увы, во мне еще много земного, и его чистота, постоянное созерцание небесного смущают дух мой. По духовному моему существу я стремлюсь слушать его и поучаться у него, а по земному хочется скрыться от него».¹⁹ Историю «религиозных коловращений» Засецкой, имея в виду ее отторжение от православия, Лесков считал не только «интересной и назидательной», но и типичной для «алчущих и жаждущих» из верхов в 1870—1880-х годах.

В дневниковой записи от 15 декабря 1890 года государственный секретарь А. А. Половцов описал свою светскую знакомую, убежденную редстокистку княгиню В. Ф. Гагарину: «...не удовлетворяюсь формами православия с свойственными ему преувеличениями в обрядной, внешней стороне и недостаточностью нравственного содержания как в самих правилах церкви, так в особенности в личностях ее представителей, Вера Федоровна всецело отдалась учению, инициатором коего в России был некий лорд Редсток, но которое, не будучи облачено в строгую систему, представляется чем-то вроде русского

¹⁷ Там же. С. 268—275.

¹⁸ Там же. С. 280—284.

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 612, № 252, л. 5.

протестантизма, о подробностях этого учения не могу говорить, не зная их, но из разговоров с Гагариною, которая несравненно умнее, чем ее единомышленницы Пашкова, Черткова, Шувалова, Ливен и др., я вынес убеждение, что ничего стройно определенного в воззрениях их не существует. Прежде всего они исполнены благих намерений на пользу ближнего, помогают бедным, больным, немощным всякого рода, делают все это без всякой напыщенности, с великим самопожертвованием и простою, но при этом постоянно твердят тексты Священного Писания, смысл коего им будто бы близок вследствие прямого Божественного откровения».²⁰

В воспоминаниях государственного деятеля и дипломата Ф. Г. Тернера, опубликованных после его смерти, приводится и другое объяснение, типичное для людей редстоковского круга, искренно взыскующих духовного окормления: «...я стал искать его (утешения. — С. И.) в религии {...}. Наша православная церковная жизнь отталкивала меня своим формализмом. Не понимая глубины значения христианского православия, я не находил ни утешения, ни духовной опоры в нашей церковной службе {...} в поисках за твердым духовным основанием меня вывели два обстоятельства. Во-первых, ознакомление с религиозными сочинениями А. С. Хомякова {...} и, во-вторых, знакомство с лордом Редстоком {...}. Изложение Хомякова раскрыло для моего ума значение православия; теплоту же христианского чувства для сердца я почерпнул затем из сношений с лордом Редстоком».²¹

Вряд ли другой проповедник смог бы сделать больше и повлиять на «бар» настолько, что те тотчас бросились «в норы и трущобы, где страдает и гибнет нищета».²² Редсток, пишет Достоевский, «делает чудеса над сердцами людей; к нему льнут; многие поражены: ищут бедных, чтоб поскорей облагодетельствовать их, и почти хотят раздать свое имение» (22, 98). В связи с редстокизмом тема безучастности русского духовенства в деле пастырского служения, безусловно, была одним из пунктов религиозных споров Достоевского и Засецкой, однако в названных статьях писатель впрямую не касается этой темы и по поводу русских священников ограничивается пожеланием, «чтоб на этот раз никто из нашего духовенства не поддакивал его проповеди» (22, 99). «Спросите петербург-

²⁰ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. Т. 2: 1887—1892 гг. М., 1966. С. 330—331.

²¹ Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни. СПб., 1910. С. 339—340. В связи с добрыми делами, коими были знамениты редстокисты, следует упомянуть о Марии Григорьевне Пейкер, близкой знакомой Засецкой: в 1872 году она присутствовала на Всемирном тюремном конгрессе в Лондоне и позже, став директрисою петербургского тюремного комитета, учредила «убежище для женщин, освобожденных из тюремного заключения». См. ее некролог, написанный Лесковым (Новое время. 1881. 1 марта. № 1798, а также: Лесков Н. С. Собр. соч. М., 1958. Т. 10. С. 584—586).

²² Лесков Н. С. Великосветский раскол. С. 107, а также С. 73—77.

ских бедняков, — пишет Лесков в статье «Два слова о редстокистах», — не знают ли они В. А. П(ашко)ва или Ю. Д. З(асецк)ой, и, наверное, многие из них скажут, что они этих людей знают и чем-нибудь им обязаны. (...) Ю. Д. З(асецк)ая обращалась к некоторым петербургским священникам, прося их придти хоть раз в неделю пояснять бесприютным ночлежникам Слово Божие; но наши господа священники *сего не восхотели...*».²³

Суть своих религиозных воззрений, помимо Достоевского и Лескова, Засецкая излагала калязинскому священнику о Беллюстину. «З(асецкая) писала мне об своем „убеждении, которому она ни за что никогда не изменит“. Конечно, лучше иметь хоть какое-нибудь убеждение, чем никакого, и представлять из себя абсолютную пустоту; но непрочно убеждение, не на евангельской основе выработанное (...) Одно еще, что может спасти (...) это служение добру» (20 июля 1876 года). И далее: «Кстати о m-те З(асецкой), — пишет он вновь Лескову, — я получил от нее целое рассуждение с двумя страницами текстов (...) если она в своей иллюзии нашла себе душевное успокоение и не боязнь смерти, то ради чего я стал бы возмущать ее настроение (...) В сущности она и делает то самое, что заповедано Христом Иисусом — служить добру, как служил он сам; а иллюзии в час смерти рассеются сами собой» (11 августа 1876 года). «От всей души радуюсь, что на пути добра она идет вперед: да поможет ей Отец небесный до конца не ослабеть на этом пути (...) с такими делами (содержание Ночлежного приюта. — С. И.) никакой Редсток не помешает ей там, куда стремится ее душа» (11 марта 1877 года).²⁴

Особое неприятие фигуры Редстока, а также его популярности в высшем свете стало темой неоднократных, почти скандальных критических выступлений журнала «Гражданин» (1874—1876), принадлежащих перу его издателя князя В. П. Мещерского.²⁵ Апо-

²³ Церковно-общественный вестник. 1876. 24 ноября. Цит. по: *Майорова О. Е.* Лесков в суворинском «Новом времени». С. 172.

²⁴ Письма И. С. Беллюстина к Лескову / Публ. Ю. Сидякова // *Philologia: Рижский филол. сб.* Рига, 1997. Вып. 2. С. 68—69, 71, 85. Сам священник Беллюстин, подвергшийся гонениям Синода и опале за свои публикации, выступил со статьей «Алчущие и жаждущие», в которой, полемизируя с позицией «Гражданина», основными причинами популярности Редстока и других сектантских проповедников в России считал дистанцированность православных священников от пастыри, незнание пастырями религиозных потребностей своих прихожан и непонимание ими ни внутреннего значения таинства, ни даже церковных песнопений (Церковно-общественный вестник. 1876. 14 апр. № 42); содержание статьи Беллюстина было изложено в «Новом времени» (1876. 15 апр. № 45), с чтением этого изложения связана запись Достоевского в записной тетради 1876—1877 годов: «Насчет лорда Редстока» (24, 189, 459).

²⁵ N [Мещерский В. П.] 1) Новый апостол в петербургском большом свете // *Гражданин*. 1874. 25 февр. № 8; 2) Опыт спокойного слова в заключение полемики о лорде Редстоке // Там же. 1874. 11 марта. № 10; 3) Роман: Лорд-апостол в петербургском большом свете // Там же. 1875. 27 апр.—26 окт. № 17—43 (отд. изд.: В 4 т. СПб.; М., 1876); 4) Письмо к лорду Редстоку // Там же. 1876. 28 марта. № 13 (отд. изд. СПб., 1876); 5) Последнее слово о Редстоке // Там же. 1876. 16 мая. № 16.

феозом нелепости, почти пасквилем оказался пространный роман князя «Лорд-апостол в петербургском большом свете» (в 4 т. СПб.; М., 1876), в котором «лорд-апостол Хитчик» (читай: Редсток) предстал отпетым аферистом и похотливым бонвиваном, умело маскирующимся под маской религиозности и добродетели и проповедующим, что «грешить совсем не так страшно, как кажется» (Т. 1. С. 115—116); все это, безусловно, не соответствовало действительности. Воистину, даже благая идея (о вреде редстокизма), вышедшая на улицу, способна принести только вред. «Ну, уж до чего дописался князь Мещерский в своем „Лорде-апостоле“, так это ужас», — писал Достоевский Анне Григорьевне 15/27 июня 1875 года (29₂, 49).

25 февраля 1874 года «Гражданин» (№ 8) одним из первых откликнулся на начавшиеся публичные выступления Редстока в Петербурге критической статьей Мещерского «Новый апостол в петербургском большом свете», грубой по тону и небрежной в фактическом отношении, которая спровоцировала полемику о пасторе в двух полярных по реакции анонимных письмах читательниц, помещенных в очередном номере журнала (4 марта. № 9; подписи: «княгиня Д-я (мать пятерых детей)» и «Одна из слушательниц бесед»). «Слушательница» умно защищала Редстока, не без оснований обвиняя «Гражданина». Как известно, сопроводительная заметка к этому письму, озаглавленная «Ответ анониму», предположительно принадлежит Достоевскому и помещена в разделе Dubia Академического собрания сочинений писателя (30₂, 22—24).

Тонкую и убедительную аргументацию в пользу авторства Достоевского, приведенную В. А. Викторovichем (30₂, 80—83), дополняет свидетельство Лескова, у которого на этот счет не было никакого сомнения. Через десять дней после выхода заметки «Ответ анониму» Лесков в запале еще не забытой и болезненной для него полемики 1873 года с редактором «Гражданина», вызванной его статьей «Смятенный вид» по поводу «Запечатленного ангела» в «Дневнике писателя» (20, 54—60), пишет: «Достоевский обидел их (редстокистов. — С. И.) в „Гражданине“ и назвал „светскою беспоповщиной“. Что делать? Простите. Он не сообразил, что людей, крещенных в церкви и исполняющих ее таинства и обряды, нельзя назвать *беспоповщиной*. Это с ним хроническое: всякий раз, когда он заговорит о чем-нибудь касающемся религии, он непременно всегда выскажется так, что за него только остается молиться: „Отче, отпусти ему!“».²⁶ (Напомню, что именно эту часть статьи, выражение из которой цитирует Лесков, Викторovich относит к авторству Мещерского. Уточню: выражение «великосветская беспоповщина» впервые употребила «княгиня Д-я»).

²⁶ [Лесков Н. С.]. Дневник Меркула Праотцева // Русский мир. 1874. 14 марта. № 70. См. также: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1994. Т. 2. С. 466 (сост. В. А. Викторovich).

24 февраля 1874 года Достоевский получает записку от тогдашнего секретаря редакции В. Ф. Пуцковича: «По поручению Ю. Д. Засецкой препровождаю к Вам (...) прилагаемый при сем билетик». По предположению Викторovichа речь идет о приглашении Засецкой на проповедь лорда Редстока, прибывшего в Петербург 18—21 февраля. Из воспоминаний Анны Григорьевны известно, что Достоевский присутствовал на некоторых проповедях, проходивших в доме у Засецкой. В тот же день или чуть позже состоялось одно из этих посещений (вряд ли их было много). В главе «Лорд Редсток» мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 год читаем: «Мне случилось его тогда (в 1874 году, а не «три года назад», как ошибочно указывает Достоевский. — С. И.) слышать в одной „зале“, на проповеди, и, помню, я не нашел в нем ничего особенного: он говорил ни особенно умно, ни особенно скучно» (22, 98). Сравним с отрывком из «Ответа анониму»: «То ли дело красивая зала, хорошо меблированная, с изящной публикой, где (...) я его слышал; он не очень-то красноречив»; и далее: Редсток «говорил у г(оспо)жи Зас(ец)кой в зале, где было до 100 приглашенных по *печатным запискам*» (30₂, 23, 83). Слово «зала», употребленное в схожих речевых оборотах, а также упоминание об «изящности» публики (ср. с близким словоупотреблением из статьи писателя «Миражи. Штунда и редстокисты»: «в самом изящном обществе нашем» — 25, 12) являются, как представляется, дополнительными к атрибуции Викторovichа аргументами в пользу авторства Достоевского или такой его редактурой статьи Мещерского, которая граничит с авторством.

И наконец, еще один аргумент, но уже не столько для атрибуции статьи Достоевскому, сколько по части того, кто из учениц Редстока мог скрыться под псевдонимом «Одна из слушательниц бесед». Не исключено, что однотипные обращения, использованные Достоевским в статьях о Редстоке в «Дневнике писателя», адресованы именно Засецкой, с которой, как известно, писатель «постоянно» вел «горячие споры» и которая, по отзывам знакомых, была весьма обидчива, имея горячий характер своего отца «пылкого Дениса»: «И пусть не морщатся почитатели лорда» (22, 99); «Да не обижаются редстокисты сравнением» (25, 12). Вероятно, в ответ на извинительный тон Достоевского, звучавший и в его письмах к ней, Засецкая пишет: «Кстати, раз навсегда, вы ничем меня оскорбить не можете, потому что я знаю, что вы этого желать не можете» (14 июня 1878 года. Ср. с ее же словами из письма к Лескову: «Как вы могли думать, что я на вас сердита...? Я никогда не сержусь молча».²⁷ О. Беллюстин спрашивает Лескова: «Да на что же изволила разгневаться m-me З(асецкая)?.. Доложите ей „Юпитер“ сердится, значит, неправ»²⁸). Схожее с приведенными выражениями

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 612, № 252, л. 1 (датировка А. Лескова: «после осени 1876»).

²⁸ Письма И. С. Беллюстина к Лескову. С. 81.

Достоевского находим и в «Ответе анониму»: «Если вы в самом деле такая гневливая последовательница вашего учителя (...) то, конечно, вы уже вышли, и умом, и сердцем вашим, из среды единящей нас всех святой и православной церкви нашей» (30₂, 22). Трудно удержаться и не увидеть за этим оборотом, стилистически напоминающим использованную в статье «Ряженный» отповедь Лескову, узанному за «взволнованным священником Касторским» (21, 77—91), желание дать понять анониму, что он раскрыт, и это — Засецкая.

Вероятность этого предположения подтверждается и текстуальными совпадениями между письмом Засецкой к Лескову и письмом «Слушательницы». «Остается нам спросить, — пишет слушательница «с вызовом и иронией» (30₂, 23), — имена замечательных русских проповедников». В письме Засецкой к Лескову от 14 июня 1876 года читаем: «Опять-таки вы не правы, укоряя меня в неблагодарности к духовенству русскому. Я чрезвычайно уважаю некоторых духовных личностей, с которыми не знакома лично: отца Алек. Горчакова, Беллюстина, желала бы их знать — и боюсь. Не хочу найти в них то, что отталкивает меня от всех знакомых мне дух(овных) лиц: тщеславие, личина веры, корысть и чиновничество. Я это встретила во всех русских священниках за границей, и с меня довольно. К некоторым можно прибавить тупость».²⁹ Понятным в таком случае становится и пафос Лескова в высказывании по поводу «Ответа анониму» из «Дневника Меркула Праотцева», «заступившегося» за свою хорошую знакомую, которая оказалась в сложной с ним ситуации. К тому же из писем Засецкой к писателю известно, что он правил ее сочинения. Посылая Лескову свою заметку-опровержение в защиту Редстока, подписанную «Общество друзей лорда Редстока», для передачи в «Новое время», она пишет: «Просите (редактора. — С. И.) никому не говорить моего имени (...). Если что найдете нужным, вычеркните или исправьте. Я не имею никакого самолюбия в отношении литературы».³⁰ Возможно, именно поэтому Лесков, приложивший руку к письму «слушательницы», устало шлет свои укоризны писателю: «это с ним хроническое».

Содержательная часть «жарких и ожесточенных» религиозных споров между Достоевским и Засецкой, включая эпистолярные, утрачена. Один из таких споров, и это, пожалуй, единственный имеющийся источник, «озвучил» Лесков в очерке «О куфельном мужике и проч.» (1886), за которым совершенно необоснованно закрепилась слава некоего апокрифа, вряд ли имевшего место в действительности.³¹ Следует иметь в виду, что этот очерк Лескова

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 612, № 252, л. 5.

³⁰ Там же, л. 6.

³¹ См.: *Пантин В. О.* Биографические «апокрифы» Лескова: (По материалам статей и заметок) // *Русская литература.* 1992. № 3. С. 134—138. Подробнее о пикировке между Достоевским и Лесковым в 1873 году см.: *Туниманов В. А.* Ф. М. До-

явился плодом известной литературной дуэли 1873 года между ним и Достоевским. В качестве основного аргумента в пользу достоверности описанного в лесковском очерке эпизода следует использовать тексты самого Достоевского, для которого мысль о народе как о носителе Христа была одной из самых излюбленных и постоянных, начиная с публицистики 1860-х годов и кончая Пушкинской речью. Чтобы «прочитать» лесковский очерк о «куфельном мужике», «провозглашенном» в петербургских салонах Достоевским, не как «апокриф», а как мемуарное свидетельство, необходимо, вероятно, опустить беллетристические детали, местами избыточные, но не лишённые, надо сказать, психологической и фактической достоверности.

Однажды зимой 1875/76 года, повествует Лесков, «Ф. М. застал хозяйку (Засецкую. — С. И.) за выборками каких-то мест из сочинений Джона Буньяна и начал дружески укорять ее за протестантизм и наставлять в православии. Юлия Денисовна была заведомая протестантка, и она одна из всех лиц известного великосветского религиозного кружка не скрывала, что она с православием покончила и присоединилась к лютеранству (...). Достоевский говорил, что он именно „уважает“ в этой даме „ее мужество и искренность“, но самый факт уклонения от православия в чужую веру его огорчал. Он говорил то, что говорят и многие другие, то есть, что православие есть вера самая истинная и самая лучшая и что, не исповедуя православия, „нельзя быть русским“». Засецкая, продолжает Лесков, была «набожная христианка, но только не православная», и Достоевский «ей пенял и наставлял, но никак не мог возвратить заблудшую в православие. Споры у них были жаркие и ожесточенные. Достоевский из них ни разу не выходил победителем. В его боевом арсенале немножко недоставало оружия. Засецкая превосходно знала Библию, и ей были знакомы многие лучшие библейские исследования английских и немецких теологов, Достоевский же знал Священное Писание далеко не в той степени (...) и в религиозных беседах обнаруживал более страстности, чем сведущности. (...)». В Петербург (зимой 1875/76 года. — С. И.) ожидался Редсток, и Ф. М. Достоевский по этому случаю имел большое попечение о душе Засецкой. Он пробовал в это именно время остановить ее религиозное своенравие и „воцерковить“ ее. С этой целью он налегал на нее гораздо потверже (...). Засецкая не воцерковлялась и все твердила, что она не понимает, почему русский человек всех лучше, а вера его всех истиннее? Никак не понимала... и Достоевский этого ее недостатка не исправил». На вопрос Засецкой «что именно в России лучше, чем в чужих странах?», тот отвечал «всё лучше», но «никто не научил ее видеть» это. «Тогда раздраженный Достоевский

Достоевский и Н. С. Лесков в 1873 году: Литературная дуэль // *Ars Philologiae* / Сб. к шестидесятилетию А. Б. Муратова. СПб., 1997. С. 172—189.

в гневе воскликнул: „Не видите, к кому идти за научением! Хорошо! Ступайте же к вашему *куфельному* (кухонному. — С. И.) мужику — он вас научит!”». Дамы расхохотались. «Всему, всему, всему... и тому, чему учит Редсток, и тому, чему учит Мэккэнзи Уоллес, и Деруа Болье». В свете «находили, что „это ужасно, если уже до того дошло дело, что русским образованным людям ничего более не остается, как идти учиться на кухню”». ³²

Следует заметить: выражение «кухонный мужик» нигде и никогда не использовалось Достоевским, но хорошо известно, что семантически адекватным понятием в его публицистике было «русский народ». Лесков, конечно, лукавит, когда говорит, что писатель унес в могилу «тайну учительного значения *куфельного мужика*». Не было более постоянной темы в творчестве Достоевского, чем тема русского народа как единственного носителя христианской истины. «Не в православии ли одном, — говорится, к примеру, в «Дневнике писателя» за 1873 год (VII, «Смятенный вид»), — сохранился Божественный лик Христа во всей чистоте? И, может быть, главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот Божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, — явить этот образ миру, потерявшему пути свои!» (21, 59). В своем последнем «Дневнике писателя» (1880, август) Достоевский продолжает повторять: «Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его. Мне скажут (не Засецкая ли? — С. И.): он учения Христова не знает, и проповедей ему не говорят, — но это возражение пустое: всё знает, всё то, что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса» (26, 150).

³² Лесков Н. С. О *куфельном мужике* и проч.: Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 147—153. Этот эпизод повторен в его же рассказе: Неоцененные услуги: Отрывки из воспоминаний / Публ. О. Е. Майоровой // Звезда. 1992. № 1. С. 171. «Я не народник, — писал Лесков в статье «Ошибки и погрешности в суждениях о гр. Л. Толстом», — в том смысле, чтобы мне все даже плохое русское нравилось более хорошего, но чужеземного. Я не думаю тоже, что наученным русским людям следует снова идти в науку к неученым, но тем не менее я думаю, что следует прислушиваться к голосу народному...» (Неизданный Лесков / Лит. наследство. Т. 101. Кн. 2. С. 90). В 1884 году Лесков полагал, что эта известная идея Достоевского восходит к П. И. Якушкину: «*Политика* Якушкина занимала очень мало {...}. Формы правления для него были все безразличны — „как народ похочет, так и устоится”, но он ничего за народ не предрешал и не возвещал от себя в лице „всечеловека” {...}. Если бы Якушкин не умер до сего времени {...} одно могло его удивить, что те самые его народнические принципы, за которые его осмеивали „чистые литераторы” *белой кости*, — теперь принимают они же сами, и притом с таким рабским подражанием Якушкину, что прямо посылают воспитанных людей „учиться у мужиков”. Резоны Якушкина, значит, свое взяли... Довольно трудно сказать, в какой бы теперь компании очутился Якушкин? Судьба {...} избавила его от выбора, который, кажется, несколько затруднил Достоевского» (Лесков Н. С. Собр. соч. Т. 11. С. 86—88).

Что касается спора между Достоевским и Засецкой, описанного Лесковым не без ириности, возможно, его отзвук находим в «Братьях Карамазовых»: «Стал я тогда, — вспоминает о. Зосима, — еще в офицерском мундире, после поединка моего, говорить про слуг в обществе, и все-то, помню, на меня дивились: „Что же нам, говорят, посадить слугу на диван, да ему чай подносить?“ А я тогда им в ответ: „Почему же и не так, хотя бы только иногда“. Все тогда засмеялись. Вопрос их был легкомысленный, а ответ мой неясный, но мысля, что была в нем и некая правда» (14, 288).

Все три выступления Достоевского по поводу Редстока объединяют общие, сквозные идеи: редстокизм привился в русском высшем обществе по причине его «обособленности», оторванности от «почвы», т. е. народа, а также вследствие полного невежества знати в православном вероучении. «Настоящий успех лорда Редстока зиждется единственно лишь на „обособлении нашем“, на оторванности нашей от почвы, от нации <...> тут плачевное наше обособление, наше неведение народа, наш разрыв с национальностью, а во главе всего — слабое, ничтожное понятие о православии» (22, 98—99); и штунда «в черном народе», и редстокисты «в самом изящном обществе нашем <...> вышли из одного и того же невежества, то есть из совершенного незнания своей религии» (25, 12); «...мужикиштундисты и ученицы л(орда) Редстока, в отпадении своем от православия, действовали по совершенно одинаковой причине, то есть вследствие полнейшего невежества в учении об истинах нашей родной православной церкви» (30, 22). Отпадение от православия, отвержение его догм и таинств неминуемо приведет редстокизм к сектантскому обособлению: «У нас, кстати, лорд Редсток. Обратил. Где бедные? (Мечутся.) Капля в море, капля отравы. Уничтожают данный церковью образ и ищут своего. Христос в кармане <...>. А чем он кончит: оснует какую-нибудь хлыстовщину» (из записной тетради 1875—1876 годов — 24, 176—177).

Отдавая должное выступлениям Достоевского по поводу редстокизма, следует признать, что наиболее полным отечественным исследованием биографии Редстока, самого учения и причин его укоренения в русском обществе стала книга Лескова, сведения для которой «не без труда», как замечает автор, были «добыты» им от Засецкой. Влияние Редстока, — по мнению Флоровского, — имело место в душевном пути самого Лескова, тем не менее содержание книги не оставляет сомнений в том, что отношение писателя к лорду, знакомому ему лично, и его учению едва ли носило сочувственный характер. В ряде газетных и журнальных выступлений, предшествовавших книге, Лесков называет это нововрие «еретическим вздором», «ахинеей», «салонно-канареечным движением»; в своем итоговом обширном очерке он предпринимает глубокий, иронически убийственный и, как сам уверяет, беспристрастный анализ «великосветского раскола», а также причин, побудивших его.

Редсток на лесковскую книжку не обиделся, вспоминал И. А. Шляпкин, и «даже полюбил ее чрезвычайно». Не понравилась книга редстокистам и в первую очередь Засецкой: «В вашем рассказе, — пишет она Лескову после выхода очерка, — вы нас затрагиваете не хорошо!».³³ Не понравилась книга и официальным иерархам. Духовник Александра II протопресвитер В. Б. Бажанов отозвался об очерке как о «прехитрой книге», а ее автора назвал «свободным христианином».³⁴

Завершая свою книгу о Редстоке, Лесков приходит к выводу, что причины снисходительного и покровительственного отношения русского общества ко всякого рода современным религиозным движениям, вроде редстокизма, кроются в недостатке «близкого и живого общения клира с мирянами», в российском церковном застое, в отсутствии евангельской учительности в православном храме и живой практики «христианского милосердия в церковной общине, т. е. в своем приходе!.. Если же, — считает писатель, — и для этих скромных и законных желаний ничего не будет сделано, то из всех нынешних религиозных брожений, до сих пор еще не имеющих характера сформированного раскола (...), конечно, что-нибудь да образуется. Только в этом виноват будет отнюдь не лорд Редсток и его поклонницы, а слишком долговременная отсрочка исполнения этих добрых и справедливых желаний». «Успех Редстока в русском „свете“ был подготовлен и обеспечен *духом времени*, создавшим людей подходящего ему типа».³⁵ Укоризны Лескова относились не только к повинным в застойном состоянии современной русской церкви, но и к той части русской аристократии, которая, сама обретаясь в религиозных шатаниях, способствовала распространению этих неправославных воззрений в народе. «К сожалению, — вспоминал Тернер, — не все из нашего кружка и не всегда заботились о том, чтобы, возбуждая в народе христианское чувство, не отклонять его от церкви, и потому впоследствии и образовался Пашковский толк в виде особой секты».³⁶

Народ, и в этом Лесков соприкасается с Достоевским, не нуждается в просвещении евангельскими истинами, тем более в неправославном толковании; народная вера, глубокая и искренняя, имеет своим источником тяжелейшие страдания. «Русского человека, — пишет Лесков в духе Достоевского, — нечего учить верить и терпеть — он сам в этом профессор (...). У русского народа хорошая и теплая вера, хотя он в большинстве и не сведущ в Писании».³⁷ «Главная же школа христианства, — пишет Достоевский в послед-

³³ РО ИРЛИ, ф. 612, № 252, л. 1.

³⁴ Русский вестник. 1895. № 12. С. 213. Подробнее об этом см.: Лесков А. Жизнь Николая Лескова. Т. 2. С. 53—60, 513—515 (коммент. В. А. Туниманова и Н. Л. Сухачева).

³⁵ Лесков Н. С. Великосветский раскол. С. 296—297, 77.

³⁶ Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни. С. 343.

³⁷ Лесков Н. С. Великосветский раскол. С. 168—169.

нем «Дневнике писателя», — которую прошел он (наш народ. — С. И.), это — века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю» (26, 151). Пламенные ученицы лорда, продолжает Лесков, «осчастливленные благой вестью» об их оправадании и спасении, пробираются в семьи бедных, чтобы просветить их духовно и втолковать этим несчастным, что если они возлюбят Сына Божьего, то тут же будут оправданы и спасены. Однако бедные люди «гораздо лучше знают, что им нужно для их спасения», они слушают эту «религиозную маниловщину», но не могут ее принять «потому, что эта теория не сродна простой душе, молящейся словами: „Господи! помилуй меня грешную“». Простолюдина и богатую даму отличает «разноспособность усвоения Слова Божия (...). Одна все радуется, что Он за нее уже все отстрадал и дело ее спасения кончено, а другой чем больше в это углубляется, тем более „огорчается“, что сам он внутренне так плох и недостоин совершившейся на Голгофе великой жертвы (...) между ними (редстокистами. — С. И.) и народным верованием лежит пропасть, которой православно верующий человек никогда не захочет перелезть для того, чтобы стать на чужую сторону, где ни неба, ни земли, а только одна зыбь поднебесная и на ней лорд Ресток, словеса испущающий...».³⁸

Итак, несмотря на то что ответные письма Достоевского (как и Лескова) не сохранились, его статьи, посвященные редстокизму, а также многочисленные высказывания в связи с этой темой о спасительной роли русского народа и значении православия в переломные моменты нашей истории дают достаточную полную картину содержательной части постоянных религиозных споров, звучавших, надо полагать, и в их переписке. В публикуемых письмах Засецкой к писателю (сохранилась, к сожалению, не самая интересная в связи с этой темой их часть) Редсток и его учение прошли по касательной; в полной мере ее рассуждения и аргументы в пользу редстокизма могут быть почерпнуты из писем к Лескову, с которым велись если не аналогичные, то близкие по содержанию споры, и многие из ответов которого в духе Достоевского прозвучали в очерке «Великосветский раскол». Таким образом, мы имеем и опосредованные дополнительные источники, по которым возможно реконструировать диалог о редстокизме и, шире, о православии и русском народе, имевший место между Засецкой и Достоевским. Приведу ее характерные суждения, которые мог слышать Достоевский в качестве контраргументов. «И католик, и протестант, — пишет она Лескову в конце 1876 года, — с большими убеждениями, чем православный; оба уверены, что единый путь *необходим*, но и оба подчас, как педагоги христианства, ошибаются, увлекаясь личными взглядами. Смирение православного, которое вы так превозносите, конечно, похвально, но не тогда, когда переходит в тупое

³⁸ Там же. С. 252—256.

равнодушие. (...) Это смирение — но смирение раба ленивого и лукавого, который зарыл талант в землю. В нем нет убеждения, что путь *единый*. Он тушит Свет, который вложен в него Богом, как маяк для погибающих. Я не могу себе уяснить некоторые странные стороны русских и вообще православных. Это всеобщая апатия (...). Но эта апатия мгновенно исчезает при возможности *чудесного* (...) апатия и стремление к чудесному встречаются у членов умирающих религий, к которым принадлежат англиканская, лютеранская, православная и, увы, всех менее католическая. Если я доживу до того времени, когда будет отраднее в всевыносящей моей родине, я убеждена, что *одна* не останусь. Но при помощи Божией и проживу, и умру членом той невидимой Церкви, коей врата не преодолет ад и где встречусь с сочленами из Севера и Юга, с Востока и Запада, и будет там единое стадо и единый Пастырь, которых теперь очами телесными видеть нельзя».³⁹

«Но в чем я вижу ужасный вред, это в том, что тысячи людей, в монастырях, сами, либо вовсе не веруя, или веруя от одурения, научают и поддерживают в массе народа учение о мошбах, о ходатаях, о чудесах через окаменелые кости, и все это с дозволения Синода; и ни один из современных священников не решается отдать себя на жертву истине и громко протестовать против нарушения 1-й и 2-й заповедей, как они в самом тексте изложены. Не единомыслия желаю я в России, оно даже невозможно в семействе, но дух отважности в слугах Божиих, равный отваге слуг царских в войне с врагами земными. Я не горжусь и далеко не стыжусь быть русской, мне жаль страну, которой я принадлежу, как песчинка морю, и жаль, что, лишь только возвысится одна песчинка перед другими, тотчас холодный ветер власти, страха интереса, гнета и проч. унесет далеко или придавит глубоко. А главное жаль, что мы способны привыкать к этому...».⁴⁰

Вскоре после смерти Достоевского Засецкая покинула Россию и поселилась в Париже, где ее след затерялся. Скончалась она, вероятно, в первой половине 1883 года, оговорив в завещании «не перевозить ее тела в Россию», чтобы «не дать возможности господствующей церкви совершить над ним установленные обряды».⁴¹ Сын Лескова полагал, что в архиве Засецкой могли сохраниться «прелюбопытнейшие» письма отца, о которых пока «слышно не было».⁴²

По поводу переписки Засецкой с Достоевским Анна Григорьевна указывает в «Примечаниях» к сочинениям писателя: «У наслед-

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 612, № 252, л. 4 (см. также: *Фаресов А. И.* Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904. С. 84—86).

⁴⁰ РО ИРЛИ, ф. 612, № 252, л. 5—5 об. (14 июля 1876 года).

⁴¹ *Лесков Н. С.* Вероисповедная реестровка // *Новости и биржевая газета*. 1883. 7 июня. № 65.

⁴² *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова. Т. 2. С. 60.

ников Юлии Денисовны (ее сыновей и дочерей) или сестры ее графини Висконти могли бы найти и ответы Федора Михайловича на письма Засецкой, преимущественно по вопросам религии».⁴³

Известно 6 писем Засецкой к Достоевскому, один конверт от несохранившегося письма и надписанная визитная карточка (1874? — 1878), хранящиеся в РГАЛИ, РГБ, РО ИРЛИ и фрагментарно опубликованные — см.: *Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах.* М.; Л., 1935. С. 291; *Вопросы литературы.* 1971. № 11. С. 216—217; *Сведения о несохранившихся письмах к ней Достоевского см. «Список несохранившихся и найденных писем» — № 351, 357—30₁, 404, 406.*⁴⁴

1

(5 марта 1878 г.)

За что я впала в немилость, Федор Михайлович, не могу вас застать и у себя не вижу, а я ежедневно дома от 3—5, кроме завтрашнего дня. Но если вы намерены говеть и слушать эфимоны,¹ то соберу терпение и буду надеяться на ваше посещение по выходе вашем из годичной духовной бани.² Не сердитесь за выражение, это моя месть за ваше жестокое обращение со мной.

Ю. Засецкая

Конверт не сохранился. Печатается по подлиннику: РГБ, ф. 93. П. 5. 8.

Письмо написано на бумаге с траурной каймой, на конверте — монограмма корреспондентки. Датировка письма уточняется на основании содержания этого и последующего письма (см. ниже примеч. 2).

⁴³ Творчество Достоевского. Одесса, 1921. С. 34.

⁴⁴ Необходимо указать, что имеющаяся датировка «1872» хранящегося в РГАЛИ письма Засецкой к Достоевскому с просьбой «принять участие в редакции журнала „Гражданин“» должна быть скорректирована в связи с несомненным фактом, что их знакомство состоялось лишь в марте 1873 года. Судя по содержанию письма, приведенному в аннотации В. С. Нечаевой (*Описание рукописей Ф. М. Достоевского.* М., 1957. С. 390), письмо могло быть написано в феврале—марте 1874 года, когда Достоевский уже планировал свой уход из «Гражданина» (*Летопись жизни и творчества Достоевского.* Т. 2. С. 328, 363), однако без проверки этого письма, которое, к сожалению, недоступно мне в настоящий момент, утверждать это окончательно не берусь. Одно недатированное письмо Засецкой, адресованное Анне Григорьевне, опубликовано в «Лит. наследстве» (т. 86). Содержание письма позволяет уточнить приведенную публикатором датировку. Покушение на шефа жандармов Александра Романовича Дрентельна было совершено террористом Л. Ф. Мирским 13 марта 1879 года. См.: *Хроника социалистического движения в России. 1878—1887. Официальный отчет.* М., 1906. С. 43—44; *Жерве В. Дрентельн Александр Романович // Русский биографический словарь.* СПб., 1905. Т. 6. С. 685. Таким образом, Засецкая, говоря об этом событии как о вчерашнем, пишет письмо Анне Григорьевне 14-го, а не 13 марта, как указано в публикации (см.: *Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования // Лит. наследство.* М., 1973. Т. 86. С. 474); здесь же опубликовано письмо Засецкой от 29 января 1881 года (с. 536), адресованное дочери Достоевских Лиле (Любови Федоровне).

¹ Ефимоны (мефимоны — от греч. μεθ' ἡμῶν — «с нами») — церковная служба, отправляемая вечером с понедельника по четверг на первой неделе Св. четырехдесятницы (Великого поста). В ходе этой службы читается покаянный канон св. Андрея Критского, в котором часто повторяется стих «С нами Бог» и — по окончании повечерия — «Господи Сил, с нами буди», что и дало название службе (см.: Полный церковно-славянский словарь / Сост. Г. Дьяченко. М., 1899. С. 304—305). В своем последнем «Дневнике писателя» (1880, август) Достоевский упоминает этот молитвенный стих: народ «веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. Повторял и сам пел эти молитвы еще в лесах, спасаясь от врагов своих, в Батыево нашествие еще, может быть, пел: „Господи, Сил, с нами буди!“ (...), а в нем, в этом гимне, уже в одном вся правда Христова» (26, 150—151).

² Возможно, что речь идет о годичной паузе в общении Достоевского и Засецкой. Две записи в записных тетрадях писателя о А. И. Труханове (лицо неустановленное), помеченные 1877 и 1878 годами и связанные с именем Засецкой (27, 115—116), дают основание предположить, что предыдущее общение, имевшее место в середине 1877 года, является точкой отсчета «годичной духовной бани». Данное письмо, имеющее помету А. Г. Достоевской «1870-е гг.», датируется 5 марта 1878 года: поскольку в письме речь идет об эфимонах, службе, проходившей в Великий пост, который в тот год начинался с 6 марта, то письмо могло быть написано Засецкой лишь накануне поста, т. е. 5 марта, что подтверждается и содержанием следующего в подборке письма от 21 апреля 1878 года, вероятно ответного (на несохранившееся письмо Достоевского от конца марта—начала апреля), где говорится о праздновании Пасхи.

2

21 апреля 1878 г.

Многоуважаемый Федор Михайлович,

завтра, в субботу к 8 часам с 1/4 будет стоять у вашего подъезда¹ моя коляска, в которой прошу вас приехать не на часок, а более.² Вы в ней и возвратитесь обратно, так как на этой неделе русский люд празднует самое радостное христианское событие³ самым гнусным образом.⁴

До свидания
Ю. Засецкая

Пятница
21 апреля
1878 г.⁵

На конверте:

Федору Михайловичу Достоевскому
На песках, возле Греческой церкви
дом Струбинского, кв. № 6.

Фрагмент письма опубл.: 27, 380. Публикуется по подлиннику: РГБ, ф. 93. II. 5. 8.

¹ В этот период Достоевский снимал квартиру в доме А. П. Струбинского (с сентября 1875 года по осень 1878 года) по Греческому пр., д. 6, кв. 6 (угол 5 Рождественской ул.). См.: Саруханян Е. Достоевский в Петербурге. Л., 1970. С. 221—222, 231.

² С получением этого приглашения Засецкой связаны записи Достоевского: «У Засецкой (фабрика и *приют*)» и «К Засецкой и проч. (Труханов)». См.: 27, 116, 380. В комментариях к записи Достоевского о Труханове (1877) говорится: «...возможно, что вся запись связана с благотворительной деятельностью Ю. Д. Засецкой и намерением писать ей» (27, 379). Вполне вероятно, что писатель предварительно просил Засецкую об этом визите «на часок», и не исключено, что именно по делу некоего А. И. Труханова, подробные биографические сведения которого приведены в записи Достоевского (27, 115, 379).

³ Речь идет о праздновании Пасхи, которое в 1878 году пришлось на 16 апреля. См.: Хронологический справочник (XIX и XX века) / Сост. М. И. Перпер. Л., 1984. С. 27.

⁴ Ср. у Достоевского: «Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты, он никогда в правде не ошибется» (26, 152).

⁵ Ср.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 3. С. 269, где ошибочно указано «без даты с пометой „пятница“ (...) Рукou А. Г. Достоевской на письме поставлена дата»; полная дата в конце письма принадлежит самой Засецкой.

3

Среда, 14 (июня) 1878 г.

Федор Михайлович,

все сделано, улажено и устроено для вашей старушки.¹ Я взяла ей годовой мещанский паспорт, отдала Лопатину² для богадельни, написала старушке (кто-нибудь прочтет ей мое послание), чтобы она явилась к Лопатину в среду, в город, и он ей скажет, когда ей поступить на спокойную и беззаботную жизнь. Очень рада, что это мне удалось, несмотря на все препятствия, но после Бога она вас должна за это благодарить.

Я получила ваше письмо и дорого ценю его, зная, насколько вы не любите писать письма. Прошу вас, однако, заметить (если, быть может, вы еще этого не заметили), что я во второй раз беспокою вас чтением своего письма, имея на то предлог, вас интересующий до некоторой степени. Будет ли таковой еще раз и когда, не знаю.³

Мое лето нынешний год проходит грустно и тяжело. У моей матушки, сохранившей до 81 года светлый ум, память и зрение, развилась водяная и отнялись ноги, я каждый день вижу более, что всякие медицинские средства бесполезны, но она получает некоторое облегчение от лекарств Гр. Мотеи (?).⁴ Она спокойно говорит о своем соединении со Христом, благословляя Имя Его за совершенное Им искупление. Тяжело смотреть на долгое, томительное страдание близкого сердцу существа, и, беседуя с ней, мне иногда кажется, что мы вместе заглядываем сквозь тонкое покрывало туда, и что очень прозрачная ткань отделяет видимый мир от невидимого. Впрочем, зачем я вам про это говорю, вы сами так недавно с такой жгучей болью в сердце мысленно переносились туда.⁵

Совершенно справедливо вы мне заметили, что не следует строго судить никого, даже и чиновников в белых галстуках, но почему-то некоторым личностям ничто белое, как-то белье или галстук,

неприличны, так и кажется, что им это необычно и потому неловко им, что на них надето чужое. Этот господин написал мне письмо с французским вензелем, хотя ни слова иностранного не знает, а в письме аптекарский счет *по-русски*. Воля ваша, у нас, т. е. у женщин, есть духовное чутье, я нимало его не осуждаю, но это для меня курьез в человеческом образе и фрачном костюме.⁶

Кстати, раз навсегда, вы ничем меня оскорбить не можете, потому что я знаю, что вы этого желать не можете. Притом, ужасно трудно меня оскорбить, не знаю даже, возможно ли это, так как от людей, мнением которых я не дорожу, их упрек или похвала для меня совершенно безразличны, а те немногие, которых я душевно люблю и уважаю, никогда этого не пожелают. На нашей России густым слоем легла пыль, скрывшая от глаз Европы доблестные раны и теплую кровь уже забытых героев! Но эта пыль не национальная или вернее не народная, это пыль сердобольной опеки, к которой следует обратить слова: «Отцы, не раздражайте детей своих».⁷ Этой пыли не зарасти. Явление знаменательное на Апраксином Дворе!

Надолго ли вы едете в Москву и когда? Решились ли вы на издание журнала и к какому времени явится ваш роман?⁸

Душевно уважающая вас

Ю. Засецкая

Новый Петергоф.

Петербургская улица № 24.

Конверт не сохранился. Публикуется по подлиннику: РГБ, ф. 93. II. 5. 8.

Фрагменты письма опубли.: *Ланский Л.* Утраченные письма Достоевского // Вопросы литературы. 1971. № 11. С. 216—217; 301, 404.

Согласно помете Анны Григорьевны, месяц установлен ею по «вечному календарю»: в 1878 году среда 14-е была в июне. Письмо является ответным на несохранившееся письмо Достоевского от первой половины июня (301, 404).

¹ Речь идет о Прасковье Прохоровне Шаховой («Прохоровна»; в комментариях к письму Достоевского от 10 февраля 1875 года ошибочно названа Аленой — 292, 200), приходившей няне в семье Достоевских (с 1872 по 1877 годы). Достоевский, по воспоминаниям Анны Григорьевны, «очень дорожил» няней Прохоровной за «горячую любовь» к сыну Феде (см.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 272; 292, 15). «А Прохоровну, — писал он Анне Григорьевне 19 августа 1873 года, — если только возможно это, я бы навсегда оставил! (...) Прохоровна клад» (291, 295). В июле 1877 года, когда Достоевский оставался в Петербурге один, она помогала ему по хозяйству. «Прохоровной я очень доволен, — писал он жене 11 июля 1877 года, — она очень работает, чистит, гладит и твои вещи проветривает, и посылки зашивает. Без нее я бы пропал» (292, 166). Весной 1878 года писатель пытался устроить Шахову в богадельню (см. его письма Н. М. Достоевскому и А. П. Filosoфовой от 17—27 апреля 1878 года — 301, 21, 25, 27). В письме к Достоевским в Старую Руссу от 11 июня 1878 года Шахова пишет: «...я еще до сих пор не попала в богадельню. Г-жа Засецкая все еще ответа мне не дает, я постоянно к ней хожу» (см.: Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 216; публ. Б. Н. Тихомирова). По свидетельству Анны Григорьевны, под своим именем Прохоровна выведена Достоевским в романе «Братья Карамазовы» среди посети-

тельниц старца Зосимы (в главе «Верующие бабы» — 14, 47): старушка хотела подать «за упокой души живого сына, от которого не получала известий. Федор Михайлович отсоветовал ей делать это и напророчил скорое получение письма, что действительно и случилось» (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 279). Уже находясь в богадельне, Прохорова часто навещала Достоевских. Е. А. Штакеншнейдер вспоминала, со слов Анны Григорьевны, когда приходила Прохорова, а это повторялось «не один раз в год и не три раза, а гораздо, гораздо чаще», Достоевский говорил: «Ты, Анна Григорьевна, дай ей три рубля, дети пусть дадут по два, а я дам пять» (*Штакеншнейдер Е. А.* Из «Дневника» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 363).

² Лицо неустановленное.

³ Речь идет о просьбе Достоевского помочь устроить няню Прохоровну в богадельню.

⁴ Вероятно, аптекарь.

⁵ 16 мая 1878 года умер младший сын Достоевских Алеша. О его кончине и переживаниях Достоевского см.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 320—324.

⁶ Не исключено, что Засецкая, повторяя слова Достоевского о чиновниках в белых галстуках, которых также не следует судить, как и всех остальных, добавляет от себя упоминание о людях во фраках и таким образом напоминает, вероятно, что сам писатель осуждает самолюбивых от величия людей в главе «Золотые фраки. Прямолинейные» «Дневника писателя» за май—июнь 1877 года, где говорится: «Русский „великий человек“ (...) если б можно было надеть золотой фрак, из парчи например, чтоб уж не походить на всех прочих и нищих, то он бы откровенно надел его и не постыдился» (25, 169). Ср.: лакей, дворовый во «фраке, белом официантском галстуке и лакейских перчатках» презирает на этом основании народ (18, 64), а также с «коричневым фраком» лакея Видоплясова из «Села Степанчикова» (3, 41), с лакеем Смердяковым «в хорошем платье, в чистом сюртуке и белье» (14, 116, 206).

⁷ «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 4).

⁸ Достоевский приехал в Москву 20 июня 1878 года для переговоров с М. Н. Катковым о возможной публикации в «Русском вестнике» только что начатого романа «Братья Карамазовы».

4

Сохранился конверт, письмо отсутствует (см. 30₁, 406).

На конверте:

Его Высокоблагородию
Федору Михайловичу Достоевскому
Старая Русса
собственный дом.

На почтовом штемпеле:

Петергоф 1878 10 июля.¹

¹ Содержание утерянного «длинного» письма Засецкой было посвящено лорду Редстоку (см. примеч. 1 к след. письму). К нему были приложены французская книга «История коммуны», адрес богадельни, в которую Засецкая помогла устроить няню Прохоровну, и изречения из Св. Писания (см. примеч. 5 к след. письму).

7 сентября 1878 г.
Невский 100.

Уважаемый Федор Михайлович,

Наконец-то вы решились обрадовать меня письмом. До вчерашнего утра я беспокоилась о вас, думая, что вы нездоровы, потом вообразала, что вы сердитесь на меня за мое длинное письмо (кстати, либо вы о нем забыли, либо не получили из Петергофа), где я так много говорила о лорде Редстоке.¹ Но вчера утром, в просительные часы (от 9—11), сижу за чаем одна, и вдруг является элегическая фигура Пмуцьковичан.² Он стал развивать свои планы и мечты (всегда блестящие), рассчитывает на сотрудничество И. С. Аксакова, надеется на вас и тут же сказал, что получил от вас письмо.³ Это немедленно ввергло меня в *mauvais humeur*.^{*} Кончилось тем, что очень просил дать ему на выезд в Москву, где кто-то должен совершить что-то для него.⁴ Но *mauvais humeur* так мною овладела, что я стала себя спрашивать, кто этот враг мой, которому я обязана этим знакомством, и припомнилось мне, что это как будто вы и что недельное письмо от вас ему достаточно для искупления такой вины, и вы более месяца молчите, а пишете ему. Не знаю даже, получили ли вы книгу *Histoire de la Commune*,** а в ней адрес Шаховой, и потом в конверте изречения Св.Писания.⁵ Но скажу откровенно: вечером, когда получила ваше письмо, с радостью все вам простила.⁶

Не могу верить, чтобы роман ваш, как бы вы его ни подразделяли, был иначе как художественным, хотя вы им пока недовольны.⁷ Вы знаете, как ценят все ваши произведения, т. е. люди понимающие, потому что публика вообще не стоит внимания, для нее все хорошо, даже Мещерский. Летом я прочла оба тома вашего дневника и отлично помню, что вы предсказывали соединение папства с социализмом.⁸ В эту минуту вашим пером водила искра истинная, которая от Бога. Давно до вас это было предсказано в 14 гл(аве) Откровения.

Но вы, умные люди мира, пренебрегаете книгой Апокалипсиса, хотя читающим ее обещано особое благословение Божие. Жена-блудница (ложная церковь, а иже папство) сидит на звере багряном (скотские страсти человека). Социализм, интернационал и проч. движимы страстями людскими, и все имеют начертания на правой руке и на челе (дела и мысли их в одном роде), и вот они гордо несут на себе папство, которое союзом своим с ними как бы гарантирует святость их стремлений. Между тем оно управляет ими и для своих целей и пользуется скотскими побуждениями зверя, который старается все разрушать и уничтожать. Оба причинят много зла, переворотов, войн и горя тем, у которых нет начертания на руке и челе, но которые, однако, не решились составить одно

* дурное настроение, огорчение (фр.).

** «История Коммуны» (фр.).

целое с той женой, которая в муках рождения и скрылась на известное время в пустыне (невеста Христова, истинная Церковь, из которой явится Христос, но которая кроме имени христианской не получила наименования). Но довольно, зачем утомлять вас дальнейшими объяснениями того, что для вас, умных людей, кажется плодом больного, расстроенного воображения. Прочтите сами от 13 гл(авы) до конца 14 гл(авы).⁹

Вы коснулись Ноя и столпотворения Вавилонского, называя его колоссальной аллегорией.¹⁰ Скажите, по правде, не все ли вы и вам подобные, поэты, писатели, восторженные патриоты, угасшие и еще существующие, не все ли вы строите, строите, высоко поднимаете одну задушевную идею о каком-то великом будущем, о каких-то доселе неосуществленных высоких стремлениях народа и молодого поколения, о влиянии на мир любимой вами России потому только, что она ваша отчизна, и что ж! вдруг после целой жизни воспеваний, предсказаний и ожиданий вы с ужасом видите, что никто не понимал вас, не слушал, дела совершаются самые ужасающие, материализм двигатель всех, ваш язык не понятен и даже смешон, их речь вам чужда, все избирают иные пути, и пред дверьми вечности стоит, разрушается и остается одно убеждение, что в вас было одно самообольщение. Именно чело народа концом всего будет, как во дни Ноевы. Вот почему вы не имеете мира души, вы волнуетесь, что надежды ваши не осуществляются, что царствует кривда везде во всем, и не хотите знать, что давно все предвидено и предсказано Премудростью свыше. Однако этот мир души не пустое слово, это достигаемая истина. Поверьте, что хотя худо теперь, но будет гораздо хуже, так сказано. Главное остерегать и себя, и других от начертания на руке и челе, т.е., несмотря на возмущающие несправедливости и деспотизм, не быть в единомыслии с теми, которые желают все разрушать как негодное, это дело не наше человеческое, дело времен, которыми управляет Бог.

Простите невольное изливание чувств и мыслей. Как я рада, что скоро увижу вас,¹¹ однако к 25 сент(ября) пришлю вам много адресов квартал, не слишком отдаленных от меня, возьму в конторе Указатель квартал. Дозвольте мне, уважаемый друг, быть вам чем-нибудь полезной и не причиняйте мне *mauvaise humeur* постоянным напоминанием о каких-то книгах, за которых я сама ничего не заплатила.¹² Только будьте здоровы и для этого не волнуйте себя, право, будет гораздо хуже, и еще прошу, не забывайте меня, искренние друзья редки, а я считаю себя таковой. Неужто необходимо для вас писать по ночам и расстраивать себе нервы? А кажется так премудро устроил Господь ночь для сна, а день для труда, ужели ваша система умнее?

Анне Григорьевне мой душевный привет.

Ю. Засецкая.

7-го сентября
1878 г.

На конверте:

Высокоблагородию
Федору Михайловичу Достоевскому
Старая Русса
Новгородская губерния
Соб(ственный) дом

На обороте:

ЕВБ Федору Михайловичу Достоевскому
На углу Ямской

Печатается по подлиннику: РГБ, ф. 93. П. 5. 8. Фрагмент письма опубликован: Ланский Л. Утраченные письма Достоевского. С. 217; 301, 406.

¹ Письмо Засецкой от 10 июля 1878 года с рассуждениями о Редстоке, за исключением конверта, не сохранилось (см. выше).

² Пуцыкович Виктор Феофилович (1843—после 1912) был секретарем редакции журнала «Гражданин» периода его редакторства Достоевским и редактором после ухода писателя. С конца 1879 года начал издавать в Берлине газету «Русский гражданин» (1879—1881). Достоевский относился к Пуцыковичу дружелюбно, но не слишком уважительно, справедливо считая его человеком неглубоким и непомерно честолюбивым (подробную биогр. справку см.: 292, 355). Засецкая дала Пуцыковичу денежный залог на издание «Гражданина» и, не получив своих денег обратно, «горько» упрекала Достоевского в том, что доверилась Пуцыковичу, полагаясь на «добрый отзыв» о нем писателя. Это посредничество в денежных делах между Засецкой и Пуцыковичем тяготило Достоевского (см. 301, 71, 117—118).

³ Достоевский отправил письмо Пуцыковичу из Старой Руссы 29 августа 1878 года (301, 42—44, 282—283).

⁴ Речь идет, вероятно, о М. Н. Каткове, на помощь которого, как известно из письма Пуцыковича Достоевскому от 9 марта 1879 года, он рассчитывал в своих хлопотах о возобновлении издания «Гражданина» (301, 57, 289).

⁵ Вместе с предыдущим письмом от 10 июля 1878 года Засецкая, вероятно, по просьбе Достоевского, послала ему книгу (на франц. языке) «История Коммунь» (в описаниях библиотеки Достоевского эта книга не фигурирует) и подборку цитат из Св. Писания.

⁶ Письмо Достоевского к Засецкой из Старой Руссы, предположительно датированное началом сентября 1878 года, не сохранилось (см. 301, 406).

⁷ В письме к Пуцыковичу от 29 августа 1878 года Достоевский писал о работе над романом «Братья Карамазовы»: «Работаю роман, но дело идет как-то туго, и я только лишь в начале, так что я очень недоволен собой» (301, 43).

⁸ Вероятно, имеется в виду одно из многочисленных рассуждений Достоевского на эту тему в «Дневнике писателя» за 1877 год; из январского выпуска: «Ибо социализм французский есть не что иное, как *насильственное* единение человечества — идея, еще от древнего Рима идущая и потом всецело в католичестве сохранившаяся» (25, 7); из майско-июньского выпуска: «...социализм есть сила грядущая для всей западной Европы, и если папство когда-нибудь будет покинуто и отброшено правительствами мира сего, то весьма и весьма может случиться, что оно бросится в объятия социализма и соединится с ним воедино» (25, 160); или рассуждения о «порожденном католицизмом чудовище — социализме», при котором народу католичество «скажет, что всё, что проповедуют им социалисты, проповедовал и Христос», из ноябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 год (26, 88—89). Аналогичные рассуждения Достоевского о идейном соединении католицизма с социа-

лизмом легли в основу замысла главы «Великий инквизитор» романа «Братья Карамазовы» (подробнее об этом см. 15, 409, 483).

⁹ Не исключено, что в утраченном письме Достоевского, о содержании которого говорит Засецкая, писатель развивал идеи будущей главы «Великий инквизитор»; ее комментарий к 13 и 14 главам Апокалипсиса оказался созвучен идеям писателя: «и приползет к нам зверь, и будет лизать ноги наши, и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих. И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу (...). О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся (...). Говорят, что опозорена будет блудница, сидящая на звере» (14, 235—236).

¹⁰ Образ Вавилонской башни — один из широко используемых Достоевским в публицистике 1870-х годов — связывался писателем с будущим царством социализма: «Попытки устроняться вне Бога и вне Христа» привели к тому, что «будущая Вавилонская башня стала идеалом и, с другой стороны, страхом всего человечества» («Дневник писателя» 1877 года, ноябрь — 26, 90); «...начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, — говорит Великий инквизитор, — они кончат антропофагией» (14, 235). Мысль Достоевского о том, что лишь образ Христа может вывести человечество из состояния нравственного тупика, подобного состоянию людей перед Ноевым потопом, вложена в уста старца Зосимы: «На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом» (14, 290).

¹¹ Достоевский планировал вернуться из Старой Руссы к октябрю (301, 43).

¹² Возможно, речь идет о недавно вышедшей книге Д. Беньяна «Путь пилли-грима» (СПб., 1878), переведенной и подаренной Засецкой писателю (см. сн. 7 вступ. ст.).

6

(1870-е годы)

Вот выражение Тульского дворянина, уважаемый Федор Михайлович, прочтите и пришлите обратно, так как и от меня требуют этот лист обратно.¹

Душевно кланяюсь

Ю. Засецкая.

На обороте:

Федору Михайловичу Достоевскому.

Записка (без конверта) публикуется по подлиннику: РО ИРЛИ, № 29718.

¹ Лицо неустановленное; о каком выражении идет речь, прокомментировать не удалось.

Вместе с этой запиской в общую папку, на которой рукой А. Г. Достоевской сделана надпись: «Письма Засецкой», вложена визитная карточка Засецкой:

Юлия Денисовна Засецкая
рожденная Давыдова
Невский просп(ект) № 88, кв. 101.

В верхней части карточки надпись рукой Засецкой:

Свободный вход в Ночлежный Приют во всякое время дня и
ночи

На обороте:

Ф. М. Д(остоевско)му от Председательницы Общества Н(оч-
лежных) П(риютов).¹

¹ О датировке визитной карточки см. выше сн. 9 вступ. ст.